

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ СМЕХА В АРХАИЧЕСКИХ РИТУАЛАХ ОБЛЕЧЕНИЯ ВЛАСТЬЮ

У статті досліджено соціальні функції сміху в архаїчних політичних ритуалах передавання та укріплення влади. Виявлено, що сміх у традиційній обрядності виконував роль універсального соціального регулятора. Завдяки його вільному функціонуванню в архаїчних суспільствах забезпечувався пластичний перехід від хаосу до порядку, від дестабілізації до стабільності.

Ключові слова: *соціальне несвідоме, міфологізована свідомість, архаїчні соціально-політичні культури, ритуальні сміхові акції, соціальні функції сміху.*

In the article the social functions of laughter are probed in the archaic political rituals of transmission and strengthening of power. It is exposed, that laughter in a traditional rite executed the role of universal social regulator. Due to free functioning in archaic societies a plastic transition was provided from chaos to the order, from destabilization to stability.

Keywords: *social unconscious, mythological consciousness, socio-political cults, sacral laughter, social functions of laughter.*

Введение. В любую историческую эпоху для анализа социальных процессов характерны два набора познавательных средств, которые можно условно определить как рациональное и иррациональное (мифологизированное) мышление. Если в периоды социальной стабильности рациональные компоненты сознания вытесняют мифологемы на обочину восприятия и осмысления общественной действительности, то в ситуации кризиса: психологической неустойчивости, неуверенности в завтрашнем дне, болезненного переживания конечности любых форм человеческого бытия – те же самые мифологемы, выполняя защитную функцию, становятся главными опорами, противодействующими социопатии.

Видимо, поэтому все больше специалистов в разных областях гуманитарного знания: социологов, политологов, экономистов, историков, рассматривая различные классы общественных явлений, прибегают к еще недавно «чуждой» для них категории «социального бессознательного». В связи с участившимися обострениями кризисных явлений в социальной сфере она стала неотъемлемой и в социально-философских исследованиях. На наш взгляд, это объясняется тем, что социальное содержание «коллективного бессознательного» соотносится с тем мифологизированным слоем массового сознания, который активизируется в кризисные моменты жизни общества. В этих условиях, несмотря на попытки превратить социально-политическую сферу в область рационально-логического регулирования, резко возрастает «вес» иррационального и мифологизированного ядра сознания, которое, и это важно, не осознается таковым и выступает в качестве непреложной истины, не подвергающейся сомнению большинством членов общества.

На самом деле, всякий раз с началом дестабилизации, спускаясь с уровня рационализированных явлений туда, где действительность, по выражению В. Розанова, – лишь «всплески разумного хаоса», мы оказываемся в потоке «живого вещества» социальной жизни. Мы становимся способными незримо и неслышно постигать, как в обыденности происходит бесчисленное множество незначительных событий, в которых людьми совершаются действия, уже выполнявшиеся вчера, а другими поколениями и раньше. Причем люди, как правило, действуют столь же естественно, сколь и бессознательно. Они не рефлексуют этих своих действий, а значит, в некотором роде они поступают неосознанно, хотя и при участии сознания.

Эти неререфлексируемые, неконтролируемые специально, само собой разумеющиеся действия, одновременно основанные и на разумном решении, и произведённые как бы автоматически, составляют ту бездонную толщу самых разных процессов (отдельных социальных действий, незначительных событий, частных поступков, мимолётных мыслей), хитросплетение которых позволяет социальной жизни длиться, а истории продолжаться. Как отмечают З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Поссель, «привычка, обычай, ритуал, сама по себе довлеющая, повторяющаяся обыденность, длительность в повторениях и есть собственно социальная жизнь, ее “грибница”, лишь изредка нарушаемая микроскопическими изменениями. В определенном смысле здесь не люди создают артефакт, а некий факт, признак, закон, тенденция “живут на человеческом материале”, люди часто лишь “проводники” длящегося, транслируемого во времени социального признака, социальной нормы, “обихода”» [23, с. 20].

Социальные исследователи говорят о том, что сегодня «социальное бессознательное» часто не дополняет сознание, а заменяет его. «Это настоящая регрессия и царство архаики» [15, с. 35–42]. С нашей точки зрения, этим и определяется особый интерес к архаическим ритуалам. Ведь заложенная в них «матрица» проступает во множестве социальных процессов, в том числе в политике. Хотя обнаружить, как именно работает бессознательное в сфере власти, непросто. На то оно и бессознательное, чтобы ускользать от сознания. Поэтому целенаправленное изучение архаических способов предотвращения «разрывов времени», сохранения социальной жизни от катастрофических потрясений позволит найти решения для целого ряда современных политических проблем, имеющих отношение к коллективным бессознательным установкам.

Говоря о древних политических ритуалах, стоит напомнить, что это особая сфера активности, в которой специальная интерпретация действительности позволяла формировать собственный статус социума как социального субъекта, состоящего в отношениях с другим социальным субъектом – властью. В современной общественной жизни, как и в далеком прошлом, отношение к власти – это глубоко противоречивый момент, в котором оценки сознания и социального бессознательного сильно рассогласованы. Несмотря на попытки рационализировать политическое пространство, в нем многие способы деятельности и смыслопорождения и сегодня несут в себе характеристики прежних архаических форм осмысления, описания и объяснения мира социальных связей. Безусловно, в наши дни активную

смыслопорождающую роль играют уже не реалии и события древних мифов, не сами ритуалы, а схемы, отражающие архетипы мифологического мышления, его принципы.

На это неоднократно обращали внимание представители самых разных философских направлений. Однако до сих пор большинство работ, посвященных выявлению «следов» бессознательного в общественно-политической сфере, были посвящены социальной идентификации и дистанцированию (Ч. Кули, Э. Дюркгейм, К. Юнг, Н. Бердяев, З. Бауман), установлению и поддержанию порядка (Р. Парк, Э. Берджесс, Н. Элиас, Г. Бейтсон, Ю. М. Лотман, З. В. Сикевиц). О проявлении бессознательного в массовом и социальном поведении писали Г. Лебон, Г. Тард, Г. Блумер, Н. Смелзер и др.

Для нашего исследования важными являются открытия представителей символического интеракционизма (Дж. Мида, Г. Блумера и др.), которые изучали социальное взаимодействие и конструирование общественной действительности через посредство символов-знаков, значений и смыслов. Они указали на то, что создание любого социального сообщения, как и его восприятие, оперирует элементами бессознательного. Также отметим А. Щюца, Н. Бергера, Т. Лукмана, Г. Гарфинкеля. Они в своих работах раскрыли процедуру символизации действительности, «чтения ее текстов и контекстов». Эти ученые подчеркивали, что социальное конструирование реальности подразумевает как ресурсы сознания, так и бессознательного, выявили отдельные механизмы их взаимодействия.

М. Бахтин изучал редуцированные, упрощенные формы социального взаимодействия, в основе которых психоэнергетические факторы и возможность (а часто бессознательное стремление) преодолеть требования нормативного социального поведения (например, «народное тело карнавала», праздник). Б. Малиновский относил к разряду бессознательных типов и форм активности, связанных с утверждением власти, так называемое ритуальное поведение, то есть действия с вытесненным или неактуализируемым смыслом, функция которых – быть практическим средством поддержания порядка. П. Бурдьё отмечал важную роль символического поведения в организации власти, для формирования солидарных и сплоченных общностей. Х. Арендт в своих работах доказала, что в ситуации социальной аномии при смене картин мира общественное сознание, будучи по форме вполне рациональным, в то же время по сути и способу построения объяснений регрессирует к примитивным архаическим образцам. Поэтому, по ее мнению, в тоталитарных обществах идеология всесильна, поскольку обращается не к логике, а к рефлексам, вырабатывает мистический образ вождя, целенаправленно формирует не только сознание, но и бессознательное народа.

Как видим, в области общественных наук уже подготовлено исследовательское поле для изучения различных форм проявления бессознательного в политической сфере. Тем не менее, еще не вполне изучена функциональная роль смеховых акций в архаических социальных и политических культурах, в частности в ритуалах облечения властью. Хотя здесь надо отметить, что существует ряд работ, в которых эта проблематика более или менее представлена. Подчеркнём, что авторы этих

исследований рассматривают либо психофизиологические аспекты проблемы (Дж. Селли [22], В. Пропп [18], А. Козинцев [11], А. Сафронов [21] и др.), либо сосредотачивают свои поиски в культурологической области (Дж. Фрэзер [30], О. Фрейденберг [27], Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Поньрко [14], А. Белкин [1] и др.). Между тем, широкая распространенность и универсальность смеховых ритуалов в политической сфере свидетельствует о том, что смех в данном случае выполняет определенные социальные функции.

В связи с этим научная важность и практическое значение исследования функциональной роли смеха в древних политических ритуалах облечения властью состоит в возможности путем изучения архаических культов раскрыть психосоциальные механизмы и архетипы развития современной политической сферы. Это, в свою очередь, позволит по-новому оценить влияние различных форм проявления бессознательного на социальное пространство, обнаружить, возможно, совершенно неожиданные, но эффективные способы психологического регулирования и гармонизации общественных процессов.

Целью данной работы является выявление социальных функций смеха в архаических ритуалах, связанных с передачей и укреплением политической власти.

Для достижения поставленных целей предполагается решить следующие задачи: 1) раскрыть свойственную архаическому сознанию взаимосвязь между стремлением преодолеть конечность человеческого бытия и установлением сильной политической власти, основанной на высоких духовно-нравственных ценностях; 2) выявить назначение смеховых акций в рамках архаической политической обрядности; 3) проследить социальные функции ритуальной инверсии царя и шута, а также сакральный смысл принесения последнего в жертву; 4) проанализировать полифункциональный характер смеха в архаических ритуалах облечения властью.

Методология научного поиска определяется особенностями объекта исследования. В силу специфики смеха как сложнейшего психосоциального и социокультурного феномена дальнейшее исследование строится на принципах комплексного междисциплинарного подхода. В работе использовались как традиционные для социально-философского дискурса системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический анализ, так и методики, заимствованные из социальной, общей и трансперсональной психологии, философской и социальной антропологии, элементы синергетической парадигмы, а также компаративистское обобщение.

Основные результаты исследования. Раскрыть функциональную роль смеха в политических ритуалах и социальных культах невозможно без выявления свойственного архаическому сознанию понимания взаимосвязи между стремлением преодолеть пространственно-временную ограниченность человека и установлением власти, соответствующей этим высоким целям. В представлении древних правитель отвечал за регулярность природных ритмов и за благосостояние общества. На него также возлагалась миссия возрождения времени и преодоления конечности любых форм человеческого бытия, в том числе социального. В соответствии с архаической ментальностью вожди наделялись особыми харизматическими свойствами. Они

становились гарантами непрерывности и упорядоченности природных и социальных явлений, от которых зависело существование племени.

Культы богов-царей были одними из наиболее развитых первобытных ритуальных форм, оказавших огромное влияние на развитие ранних классовых обществ [30]. Основной фигурой подобных культов являлся образ правителя, которому приписывалась не только светская власть, но, как уже отмечалось, и способность управлять силами природы, обеспечивать непрерывность жизненного потока. Наибольшее распространение эти культы получили в Африке, однако затем их проявления видны и в Древнем Египте, и в Древней Индии. Со временем они появились в Европе.

Так, в Законах Ману [5] прямо указывается, что если царь добродетелен, то его земли плодородны и обильны дождями, а в случае отступления им от праведного пути страну могут постигнуть засуха и эпидемии. Можно найти отголоски данного культа и в более поздних культурах. Например, французским королям приписывалась способность к исцелению золотухи наложением рук (королевское чудо) [30]. Отголоски социальных культов проявляются и в современном мире в виде эффекта сакрализации власти, то есть приписывания людям, находящимся у правления, особых мистических свойств. Знаменитая формула: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» как нельзя лучше иллюстрирует этот тезис. Данный эффект широко используется сегодня в политических технологиях для создания мифов о жизни политических деятелей [21, с. 125].

Проанализируем сущность культа сакрализации власти с различных позиций. Согласно предположениям, сделанным в рамках *исторического подхода*, формирование этого культа явилось следствием того, что власть вождей племен постепенно стала перетекать в руки колдунов и магов. Это было характерно для народов, проживающих в регионах с неустойчивыми природными условиями. Чтобы предотвратить этот процесс, вождей стали так же, как и магов, наделять сакральными качествами. Разумеется, такое объяснение не дает возможности понять источники сакрализации власти в современном мире. Более интересное пояснение предлагает *психоанализ*, согласно которому на образ человека, обладающего властью, происходит перенос образа отца. А отец в рамках инфантильного сознания априори обладает всемогуществом, является источником жизненной силы. Таким же образом психоанализ объясняет и существование образа бога. Развивая эту идею, можно прийти к мысли, что общность их происхождения дает тождественность этих двух образов. С таких же позиций в этом направлении поясняется возможность обожествления правителей в наше время.

Однако возникает вопрос, как объяснить веру людей в существование сакральной связи между правителями и онтологическими основаниями их существования. Трудно предположить, что данная вера, которая наблюдается практически у всех народов, строится ни на чем. Для того чтобы объяснить этот парадокс, необходимо обратиться к проблеме психологической природы власти, которая имеет весьма специфический двойственный характер. Феномен власти имеет корни в биологических отношениях, что достаточно хорошо изучено

последователями *этологи*. Однако он не сводим лишь к биологическим факторам, что также показано этологами. С другой стороны, власть нельзя принять как порождение человеческого разума, как это хотели представить последователи *теории общественного договора*. Иначе люди не знали бы бюрократии и тоталитаризма.

Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, является *мифологическая теория*, заключающаяся в том, что социальная реальность структурируется некоторым набором политических мифов, в которых ключевые роли отводятся специфическим персонажам. Именно те люди, которые соответствуют этим ролям, могут являться выразителями коллективного бессознательного. Они и становятся носителями как сакральных функций, так и власти. Своеобразной модификацией культа бога-царя являются ритуалы облечения властью правителя в качестве «гомеопатического стержня» для поддержания жизненного потока, природного и социального порядка, обеспечения длительности рода и его бессмертия. Данные культы исходили из представления о сверхъестественной взаимосвязи правителя с народом, местностью, универсумом. Их характерной чертой было жесткое регламентирование жизни представителя власти, установление определенной системы духовно-нравственных ценностей, которые были призваны предотвращать любой неосторожный поступок, способный в соответствии с гомеопатическим законом вызвать природные или социокультурные катаклизмы [21, с. 126].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что выборы власти всегда актуализировали мифологические схемы и принципы мышления. Через ритуалы миф приобретал политико-коммуникативный смысл. По словам С. Н. Булгакова, «культ есть переживаемый миф – миф в действии» [2, с. 124–126]. Ритуал как коммуникативное средство был направлен одновременно на все возможные способы его восприятия. Однако главным являлось эмоционально-чувственное переживание. Поэтому политические обряды предполагали специальные психопрактики, интегрирующие ощущения, чувства, эмоции и мышление [19, с. 313–316]. Групповой смех в социально-политических культах собственно и выступал как способ такого психосоматического воздействия. Но этим не ограничивалось его функциональное назначение.

Архетип смехового поведения в ритуальных действиях, связанных с процедурой передачи и укрепления власти, является универсальным. Он свойственен самым разным этносам, народам, социальным общностям и находит выражение во все исторические эпохи. А это значит, что, кроме исключительно психологических воздействий, смех выполняет еще и ряд социальных функций. Поскольку ритуал – это заранее определенная последовательность действий и психологических состояний, предполагающих достижение некоторого результата [20, с. 194], смех оказывался способным отвечать этим необходимым условиям. Он вместе с другими обрядовыми действиями вплетался в общую ткань ритуала, обеспечивая достижение поставленных целей. В этом смысле ритуальный смех в политических и социальных культах достигал самых тонких и глубоких структур личности, сознания и мышления больших масс людей, то есть соединял общесоциальный и персональный уровни, способствуя установлению социальных идеалов и ориентиров, утверждая

фундаментальные основы социального порядка.

Для древних наивных представлений характерно понимание рождения порядка («космоса») из первичного хаоса и периодическое последующее превращение этого «космоса» снова в хаос. Эта мифологическая схема развития хотя и не совпадает абсолютно, но перекликается с законами синергетики. Как и в синергетической парадигме, в архаических и традиционных культурах наступление нового периода стабильности предполагало временное разрушение порядка [6, с. 308–309]. Как переходный (бифуркационный) период является основным условием последующего детерминационного периода в синергетике, так и в архаических ритуалах символический возврат к хаосу был неотъемлемым условием любого нового сотворения, в какой бы плоскости он ни проявлялся: «...Каждому новому севу предшествовала коллективная оргия, символизирующая возобновление “докосмического хаоса”. “Возврат к хаосу” для человека архаической культуры равнозначен подготовке к новому “сотворению”» [31, с. 66].

Приведение к власти нового правителя рассматривалось как празднество, связанное с поддержанием природного и социального равновесия, сохранением непрерывности жизненного потока. Такой праздник предполагал активизацию хаоса, который являлся основным условием наступления нового социального порядка. Хаос означал распад, отрицание иерархии и исчезновение существовавших устоев. То, чему еще недавно поклонялись, представало предметом осмеяния. Смех в форме инвективы, срамословия, шутовства теперь направлялся на серьезное, так как в «праздничное время осмеянию подвергалось самое святое» [28, с. 490–497].

Однако стоит отметить, что миссия смеха в политических ритуалах неоднозначна. Ритуальный смех проявлялся диалектически: как сила разрушительная и как сила созидательная. Используя терминологию синергетической парадигмы, можно сказать, что он способствовал процессу самоорганизации древних сообществ. Смех выступал в качестве временного отменителя любой культуры, другими словами, он символически посягал на всю совокупность культурных норм и запретов, служил сигналом к тому, что пришло время отступить назад, в игровой форме вернуться в дочеловеческое прошлое, в состояние хаоса. Как отмечают по этому поводу социальные философы и психологи, смеховая стихия, особенно бурная и всепоглощающая, блокирует и речь, и мысли, и действия. Об этом в свое время писали З. Фрейд, Р. Провайн, М. Минский, С. Милграм, В. Макдугалл, Х. Майндес и др. Например, Майндес к числу тех состояний, от которых освобождает смех, относит конформизм, комплекс неполноценности, мораль, разумную деятельность, наивность, а самое главное для нашего исследования – самомнение, самодовольство, условности, преклонение перед авторитетами, благоговение перед смертью [35, с. 191–203].

Таким образом, смех, с одной стороны, будучи стихией тотального отрицания, служил средством отмены старого порядка, вводил коллективное бессознательное в состояние особой восприимчивости к трансцендентальным, высшим смыслам бытия и фиксировал внимание на абсолютных ценностях. С другой стороны, превращая ритуал в игру, зрелище, в котором он представал как метакоммуникативный знак, смех

перерождался в созидательную силу, способствующую новому смыслообразованию, выступал как средство солидаризации общества вокруг обновленной системы ценностей.

Двуликость смеха ярко проявила себя в архаических ритуалах облечения властью. Смеховая ритуальная стихия была призвана упразднить всякого рода статусность и социальное неравенство. Обращает на себя внимание тот факт, что праздник смены власти, предусматривающий отмену времени и восстановление первоначального хаоса, включал ритуал возведения на престол «карнавального царя» и «унижение» истинного претендента на правление. По замечанию М. Элиаде, «нарушение социального порядка символизировалось превращением рабов в хозяев» [32, с. 68–75]. В большинстве случаев до облечения властью реального претендента на трон избирали шутовского (смехового) царя. Шут выступал как олицетворение инвективы (брани-насмешки). А тот, кто претендовал на высокий статус, будущий вождь, царь или король, должен был пройти пустыню бесстатусности. Ему поручали исполнить самую грязную работу, оскорбляли, унижали, избивали, высмеивали. Как утверждает В. Тернер, в процессе этого обряда избранник «должен был молча, с опущенной головой внимать инвективы и демонстрировать образец все терпения и смирения» [24, с. 175]. Э. Канетти также пишет об издевательствах над королем перед его восшествием на трон, когда «...неистовствующая масса, образующаяся перед его вступлением в должность, со всей ясностью показывает, что правит он не во имя себя самого» [7, с. 402–409]. В случае, когда претендент на трон проявлял строптивость, выбор мог пасть на кого-то другого. Тогда все повторялось снова, в том числе избивание и осмеяние нового претендента.

Какова же здесь роль смехового царя? Дж. Фрэзер по этому поводу отмечал, что «смена ролей господ и слуг происходила по однотипному сценарию: имела место инверсия – смена социальных ролей» [30, с. 307–310]. «Слуги отдавали приказания, а господа их исполняли. Осужденного на смерть преступника одевали в царские одежды и сажали на трон: ему позволяли отдавать любые распоряжения, есть и пить за царским столом и сожительствовать с наложницами» [30, с. 317]. В таких забавах шутовской правитель показательно истязал себя, лишался сакральной силы, был осмеян и изгнан или вовсе лишен жизни, принесен в жертву новому порядку.

Действия смехового царя (шута) в рамках ритуала вступления во власть приобретали как космологический, так и социальный смысл. Основная идея этого ритуала «заключается в том, чтобы представить переход смерти в жизнь, смену старого и нового, регенерацию из вчерашнего умирания (его метафоры – “узы”, “рабство”) в сегодняшнее новое оживление (“царствование”). Функции этого перехода и несет смеховой царь (шут) как олицетворение издевки-ругани, смеха и глупости, “трех метафорических передач образа плодотворящей смерти”» [29, с. 232].

Сам же смеховой царь (шут) в данном ритуале не являлся носителем каких-либо смыслов. Как мы уже показали, он – фигура символическая. Раб, шут, ритуальный клоун, дурак – фигуры, находящиеся в самом низу социальной лестницы. Для архаического сознания они олицетворяли смерть. Но эта смерть, как и утрата всяческих культурных смыслов, была временной. За ней следовало не только

восхождение на трон подлинного правителя, но и возрождение обновленного смысла. Смеховой царь (шут) – это квинтэссенция самоотрицания, сплошная клоунада. В ней предельно материализовалось чувство нелепости и неестественности того поведения, которое он демонстрировал, так как оно нравственно и социально не состоятельно, а противоположно естественной природе, подлинному порядку. Делая все наоборот, смеховая (шутовская) фигура правителя брала на себя всю нечистоту, все те качества, которые десакрализовали власть, лишали харизмы ее носителя, делали ее бессмысленной. Принесение в жертву смехового (шутовского) царя символизировало возрождение порядка, обновление мира, восстановление временно утраченного смысла.

Поэтому смехового царя (шута) не только бьют, но и убивают. Как показал Дж. Фрэзер в «Золотой ветви», «ритуальное избрание временного смехового царя, как правило, восходит к образу не только развенчания и осмеяния, но и убийства временного владыки» [30, с. 307–309]. Такова логика мифа, такова логика ритуала вступления во власть. Этим объясняется необходимость жертвы. М. Мосс говорит о жертвоприношении как очищении и искуплении. Это жертвоприношение означает новое рождение, в данном случае – нового царя, нового порядка. Но смысл жертвоприношения не только в этом. С помощью жертвы восстанавливается сакральность власти. Царь и шут, обмениваясь своими ролями, сближаются так, что в жертвенном ритуале шут способен стать заместителем царя. Имеется в виду, что идущий на заклание смеховой царь (шут) – тоже царь. Последующая жизнь и, следовательно, процветание и благополучие всего общества покупается ценой смерти шута, а точнее – ценой отказа от нечистоты жертвователя (то есть царя) [16, с. 63].

Через соприкосновение царя и шута происходила передача жертве всего того, что могло лишить жизненной силы будущего правителя, осуществлялось уничтожение этой нечистоты (пьянства, обжорства, разврата, злоупотребления властью и т. д.) вместе с жертвой. Демонстрируя безнравственность, цинизм, чревоугодие, невероятную сексуальность и т. д., смеховой царь всегда расплачивался за провинности старой власти и упреждал грехи новой. Причем чем более была вероятность опасности, упадка, тем более гипертрофировалась миссия смехового царя и возрастала роль смеха. Жертвоприношение – это и есть избавление от возможных потрясений и несчастий, в страхе перед которыми существовали архаические общества. «Во всех этих случаях качество, передаче которого способствует жертвоприношение, переходит не от жертвы к жертвователю, а от жертвователя к жертве. Именно от нее он сбрасывает бремя злосчастья или греха. Поэтому контакт их, по крайней мере, основной, происходит до заклания, а не после него. Свалив все на жертву, он стремится избавиться от нее и избегает места, где происходит церемония» [16, с. 65]. В этом и состоит социальный смысл жертвоприношения. По сути, «оно есть отказ от части чего-либо, принадлежащего человеку, группе людей в пользу сверхъестественного» [30, с. 550].

Действительно, подлинный царь после череды унижений, состояния бесстатусности выходил из ритуала, пережив катарсис: обновленным, очищенным жертвой, демонстрирующим силу опоры на духовно-нравственные ценности и

ориентиры. Временное отстранение правителя от трона и умерщвление его «смехового двойника» означали важнейший признак архаической ментальности – для возрождения космоса, вечного продления жизни, установления стабильности, улучшения благосостояния людей необходимы смерть и воскресение властителя. Встреча со «смертью» во время ритуального забвения способствовала переходу претендента на власть в особое состояние трансцендирования, приобщения к высшим смыслам бытия. Смех в данном случае выступал уже как универсальное смыслопорождающее средство. Будущее первое лицо через ритуалы унижения и осмеяния было поставлено в ситуацию мировоззренческого выбора. Избиения, ругань, выражение всеобщего пренебрежения «вырывали» его из мира повседневности, заставляли остро прочувствовать истинность и непреложность вечных, абсолютных ценностей. Так происходила идентификация будущего властителя с трансцендентными идеалами, ориентация на которые обеспечивала обществу качества вечности, бесконечности существования, а значит, бессмертия рода. Осуществляемая таким способом сакрализация лидера и вступление его на престол гарантировали архаическим сообществам возможность преобразования хаоса в новые бытийные формы, превращение дестабилизации в социальный порядок.

Таким образом, можно утверждать, что смеховые ритуалы, связанные с облечением властью, выполняли функцию закрепления нового онтологического статуса будущего правителя, а также ролевого стереотипа – доминирования-подчинения, который является основой любой власти. Этот стереотип на самом деле нуждался в закреплении, поскольку изначально являлся для всех участников социального действия фрустрирующим – как для доминантных отношений, которые предполагают для поддержания власти совершение поступков, порой несовместимых с традиционной моралью, так и для подчиненных, так как задействованные в них люди вынуждены были жертвовать частью своих интересов.

Однако единоразовое восхождение на престол не означало последующего благодушного пребывания у власти. По комментарию Дж. Фрэзера, «...если от жизни человекобога (представителя власти) зависело существование племени, ход природных явлений, то каких только бедствий не может принести его одряхление, а тем более, его смерть. Существует единственный способ предотвратить эту опасность. При появлении первых признаков упадка силы богочеловека следует предать смерти, перенести его душу в тело более сильного преемника» [30, с. 300]. Эта тенденция – по достижении некоторого возраста умерщвлять и заменять более молодым человеком властителя – наблюдается у многих народов, поскольку, как уже отмечалось, физическое и духовное здоровье правителя, его духовно-нравственный облик связывался со здоровьем государства. В Египте, например, существовал обычай – через тридцать лет правления фараона бросать в Нил бревно. Этот ритуал, получивший название «обновление фараона», прекрасно иллюстрирует, как происходила замена реальной смены власти фараона символической. Это ритуальное действие – социокультурное явление, труднообъяснимое с рациональных позиций. По утверждению Л. Леви-Брюля, оно есть демонстрация своеобразного способа мышления первобытного человека [12, с. 224]. Архаическое сознание любое событие

поясняло не через построение причинно-следственных связей, не по логическому, а по ассоциативному признаку.

В более поздних культурах этот обычай во многом изменился: смену правителя производили символически – вместо него убивали другого человека, которого на некоторое время объявляли правителем. Н. Карамзин пишет о том, что в Древней Руси князья и бояре зависели от произвола граждан, которые могли единодушно избрать начальника, но могли и неожиданно лишиться его своего доверия («ибо народ всегда склонен обвинять правителей, если они не умеют отвратить бедствий от государства») [8, с. 67]. В этом проявлялась специфическая архаическая ментальность, свойственная не только славянам. Устраняя князя, не справляющегося со своими обязанностями, славяне беспокоились о предотвращении возможной будущей опасности. Молодой и сильный преемник был гарантией благополучия сообщества. При этом расправа над представителем власти носила символическую форму: казни предавали не самого правителя, а играющего его роль. Этот обычай, описанный Н. Карамзиным, не противоречит аналогичным ритуалам, имеющим место у других древних народов. Ритуал укрепления власти практически повторял тот, который проводили во время возведения владыки на трон. Властвующее лицо должно было вновь пройти через череду унижений, издевательств, насмешек, а также претерпеть возведение на престол смехового (шутовского) царя.

Как видим, смеховые акции лежат в самой основе архаического культа облечения властью и её последующего укрепления. По сути, они составляют канву этого ритуала. Причем для нас существенно то, что смех в данном случае выполняет целый ряд социальных функций. Смех как специфическое эмоциональное (от лат. – возбужденное, встревоженное, взволнованное) состояние способен регулировать поведение людей, указывая на значимость для них тех или иных явлений, событий, процессов общественной жизни [9, с. 21–22]. Ритуальный смех раскрывает отношение человека как к отдельным проявлениям социальной действительности, так и к самому себе, задействованному в них. Через ритуальное смеховое поведение осуществляется выбор ценностных установок, определяется характер конкретных поступков и действий, а также складывается жизненная стратегия общества в целом. То есть влияние смеха на ориентирование человека в социальном и политическом пространстве бесспорно. Поэтому далее мы более подробно проанализируем функциональную роль смеха в архаических ритуалах облечения властью.

В первую очередь надо подчеркнуть *социально-терапевтическую функцию* смеха в древней политической обрядности. Мы уже обращали внимание на то, что смена власти для архаической ментальности предполагала временное устранение порядка, возвращение в хаос. Это, несомненно, было травмирующей ситуацией для коллективного сознания. Смех как произвольный, бессознательный сигнал (который, вопреки существующим стереотипам, далеко не всегда является выражением радости и веселья) здесь скорее служил средством психологической разрядки. Идея «разрядки нервного напряжения» играет центральную роль в теории смеха, предложенной Г. Спенсером [36, с. 112–114] и поддержанной З. Фрейдом [25, с. 152–168], а также некоторыми современными исследователями, например,

Д. Берлайном [34, с. 43–60]. С точки зрения социальных психологов, объекты ритуальной манипуляции в силу их символического характера обладают особой эмоциональной насыщенностью и мощным психологическим воздействием на участников культа. Смеховое поведение способствует «перераспределению бессознательного социального напряжения по схемам, которые обеспечиваются защитными механизмами» [10, с. 208–223]. Фрейд также указывал на то, что в ритуалах через яркие эмоциональные переживания снимается «психическое напряжение, возникающее вследствие неспособности удовлетворить какое-либо желание физически» [26, с. 179–184]. В связи с этим он называл смеховое поведение *компенсаторным* актом.

Воспринимая на бессознательном уровне информацию о социальной среде, люди посредством смеха имели возможность определить те ценности, которые в данном состоянии общества были наиболее необходимы. Смех выполнял объемную «работу» по бессознательной (хотя и не без подключения сознания) обработке влияния на внутреннее субъективное отношение человека к явлениям, происходящим в социуме. Он позволял соотнести устремления, интересы, взгляды отдельного человека и социальной группы. В древних политических ритуалах смех как выразительный сигнал служил важным способом идентификации истинных целей индивида и общества. Он как бы моментально снимал шоры и открывал «простые» истины о базовых, неотъемлемых ценностях, отступление от которых могло привести к всеобщему краху. То есть, кроме терапевтической функции, смех брал на себя процедуру оценки происходящих событий. *Оценочная функция* смеха в древних политических ритуалах заключалась в том, что он не только выделял значимое в образе социальной действительности, но и фиксировал изменения значимого в результате успехов или неудач в деятельности представителей власти.

Проследить, как работает оценочная функция смеха, позволяют наработки исследователей психологии эмоциональных состояний. В. Р. Вилюнас, например, отмечая, что функция оценки является главной для эмоций, указывает на наличие определенной структуры этой операции. На его взгляд, функция оценки для эмоций делится на оценку настоящего, закрепление опыта, предвидение будущего, синтезирование окончательного образа [3, с. 27–35].

Эта структура отчетливо прослеживается в смеховой оценке событий в ходе архаических ритуалов облечения властью. Так, выполняя *функцию оценки настоящего*, смех сигнализировал о нарастании тревоги, ожидании опасности в связи с временным нарушением равновесия и необходимостью психологического снятия напряжения. Изначально смех диагностировал состояние общества в момент смены порядка хаосом. Смех овладевал людьми, и они покорялись его силе. Однако надо учитывать, что эта сила исходила от самих людей. Этот мощный смеховой посыл требовал определенных действий. И здесь было важно, на что эта сила будет направлена. Она могла быть как пагубной, фатальной, так и величественной, творческой. В этих возможностях раскрывалась способность смеха бессознательно мотивировать поведение людей, побуждать их к активной социальной деятельности.

Функция смеха по организации деятельности предполагала какие-то поступки

как ответ на проведенную оценку настоящего. Это четко прослеживается в рассматриваемых нами политических и социальных культурах традиционных обществ. Например, смеховая реакция на ритуальную инверсию царя-шута, искажение социальной реальности стимулировали к определенному набору действий: поиску новой системы ценностей, утверждению властителя, способного обеспечить обновление природного и социального порядка. Такая поведенческая активность объясняется тем, что архаический человек в ситуации хаоса особенно остро ощущал себя как существо трагическое, обреченное на конечность. Самые негативные эмоции он переживал в связи с осознанием своей пространственно-временной ограниченности. Поэтому на другом эмоциональном полюсе были сосредоточены позитивные ощущения, обусловленные возможностью противодействовать смерти, упадку, разрушению. Для этого люди были готовы на конкретные поступки, действия, пусть даже ритуального, символического характера, но гарантирующие, защищенное пребывание в жизненном потоке, который представал для них как уничтожение. Смех в данном случае служил своеобразным компасом, указывающим на приближение к состоянию защищенности. Так как люди более остро чувствовали грозящую им опасность, чем наступление стабильности, то зачастую они не знали наверняка, каким должен быть социальный идеал, зато имели точное ощущение того, какое общественное состояние чревато природными и социальными катаклизмами. Как заметил Л. Ленгле, «свое ощущение социального порядка люди легче формулируют в эмоциональных терминах, чем в предметных характеристиках» [13, с. 3–20].

Отказ от смехового (шутовского) царя с его антисоциальным, лишенным духовно-нравственных оснований поведением, осмеяние «двойника», его изгнание или казнь способствовали закреплению в социальной памяти определенных табу и ориентировали на те ценности, что обеспечивают нерушимость природного порядка, бессмертие рода, процветание общества. Таким образом, смех как непосредственная эмоциональная реакция на успешность или неуспешность правителя сигнализировал о результативной стороне действий власти.

Кроме перечисленных оценочных функций, смех в социально-политических культурах древности выполнял *функцию предвидения будущего*. Это специфическая форма опережающего отражения действительности, оценка, которая давала знать о возможном приемлемом или же неприемлемом последствии выполняемых действий. Осмеяние смехового (шутовского) царя – это и есть результат проекции в будущее действий подменного правителя. Смеховая оценка его поведения, обличение его социальной несостоятельности как фигуры, призванной обеспечивать стабильность и непрерывность родовой жизни, значительно сокращала поиск выхода из создавшейся хаотической ситуации.

И, наконец, оценочная деятельность смеха состояла в *обобщающем синтезировании образа социальной действительности*. Благодаря этой функции как каждый отдельный индивид, так и сообщество в целом фиксировали внимание на событии, которое вызвало столь сильную эмоциональную реакцию. Поэтому под влиянием смеха происходило быстрое восприятие и особый синтез-обобщение,

объединяющий всю совокупность образов, связанных с отношением власти и подчинения. В коллективе бессознательно выработывалось определенное видение того, какими ценностями должен руководствоваться правитель, каковы основные принципы социального взаимодействия, способные гарантировать и новую социальную стабильность, и природное равновесие.

Осмеяние, убийство или изгнание смехового (шутовского) царя выполняло функцию освобождения, очищения от старых, не оправдавших себя общественных ценностей. Здесь смех выступает как *катарсическое* средство. Очевидно, что он брал на себя также и важные *мировоззренческие* функции. Мировоззренческий выбор в рассматриваемых нами ритуалах опирался на индивидуальный и социальный опыт, специфическую внутреннюю мифологию группы, и поэтому он должен был быть насыщенным определенной эмоциональностью. Смех в этом плане отвечал за конструирование особой intersubъективной реальности, опосредованной психотерапевтическим мифом. Он вводил участников «терапевтического ритуала» в «измененное состояние сознания». Из ритуального (произвольного, то есть когда смеются от того, что понимают: «Это все не так!») смех обладает способностью перерождаться в непроизвольные, неконтролируемые сознанием смеховые акции, выводящие людей в состояние трансцендентирования. Получается, что смех является регулятором смыслов, способом смыслообразования. Можно сказать, что смех подготавливал «сеанс» коллективного приобщения к вечным, духовным, абсолютным нравственным константам. На такое свойство смехового воздействия указывал Р. Ошо, размышляя в своей «Оранжевой книге» о необыкновенной силе «медитации смеха» [16, с. 125–129].

А это значит, что благодаря созданной смеховой стихией атмосфере в политических культах древности происходило феноменальное конструирование (идентификация) власти как таковой. Таким способом совершалась идентификация правителя с выбранными в ходе коллективного трансцендирования ценностями и смыслами, а также самоидентификация социальной общности, которая была им сопоставима. В этом плане смех выполнял *адаптационную функцию*, обеспечивая пластичный переход общества в новое состояние. Наряду с этим смех осуществлял изначально присущие ему функции *коммуникации (солидаризации)*, поддержания связи между членами коллектива и *интеграции (объединения их вокруг определенных смыслов, ценностей-целей и вождя, олицетворением, символом которых он является)*.

Коллективный смех, будучи одинаковой реакцией на те или иные явления социальной действительности, вызывал «созвучие», «сопереживание» с эмоциональным миром другого человека, а также «попадание» в общественное настроение. Совпадение эмоционального состояния говорило о единстве социальных ценностей и значимости их для данного сообщества людей. Социальные исследователи отмечают, что совпадение эмоциональных переживаний, связанных с определенными явлениями в социуме, может наблюдаться у членов общества с разным уровнем интеллекта, различным социальным статусом, религиозными убеждениями и т. д. [13, с. 4–18]. Смех как коллективная реакция на единые для всех

социальные обстоятельства способен солидаризировать общество через одинаковое эмоциональное переживание ценностных ориентиров [10, с. 221–223]. Получается, что в смеховых акциях достигается эмпатия «как высшее духовное состояние» [4, с. 78–84]. Однако, на что уже обращалось внимание, эмпатия, возникавшая в архаических политических ритуалах хотя и достигалась через смех, но не всегда являлась выражением совместной радости. Например, в ритуале облечения властью это было скорее сопереживание и сочувствие ближним в связи с возможностью краха, разрушения устоявшегося порядка, угрозой поглощения всех членов рода хаосом. Оно проявлялось как жалость ко всем людям, любовь к ним, желание им служить. Через смеховые эмпатические состояния происходило регулирование отношений между людьми на основе актуализации добра, совести, альтруизма, справедливости и других высших духовных ценностей.

Многообразие и разноплановость проявлений смеха в социально-политических культах позволяет нам сделать вывод о том, что этот феномен представляет собой сложное полифункциональное психосоциальное и социокультурное явление. Причем все социальные функции, которые выполняет смех в архаических ритуалах облечения властью, тесно связаны между собой и диалектически дополняют друг друга. Превращаясь из произвольного действия в непроизвольное, из грубой насмешки-издевки в коллективную смеховую медитацию, направленную на поиск абсолютных идеалов, смех выступал в них как универсальное средство социальной саморегуляции.

Выводы. Если сознание обеспечивает существование человека *социального* с его архетипами цели и действия и, таким образом, развитие общества, то «социальное бессознательное» дает возможность продлевать существование человека *родового* с его архетипами природной цельности и вневременности. В конечном счете, здесь сопоставляется единичное и всеобщее, конкретное и абсолютное, конечность существования и бессмертие.

Как показало наше исследование, архаические политические ритуалы открывают перед нами бесценный опыт не просто выбора новой власти, стабилизации общества в периоды кризиса и упадка, но и соотнесения социальной практики с онтологическими основаниями и духовными ценностями человеческого бытия как главными условиями ее гармонизации и стабилизации. Говоря современным языком, это способ глобального подхода к организации социальной действительности.

В ходе исследования мы установили, что в архаических ритуалах облечения властью актуализируются два типа регулятивных систем: *мифологизированная* схема сознания и *психосоматическая*. В этой культовой традиции архаическое мифологизированное отношение к действительности через утверждение синкретизма, сакральности персоны власти и ее функций, обожествление образа и предмета ритуального действия, отход от тотального контроля разума и «погружение в состояние непосредственного переживания жизненности» приобретает определенный политико-коммуникативный смысл.

Особенно важно, что нерелфлексированная трансляция традиционных социальных смыслов в древнейших ритуальных формах, связанных с утверждением

власти, сопряжена с эмоциями, что демонстрирует незавершенность дифференциации функций ощущения и мышления в первобытном сознании. Ритуальный смех в этих условиях предстает как средство регуляции общественных отношений, благодаря которому происходила интеграция целого спектра ощущений, чувств, эмоций и мыслей, возникавших в процессе переживания периодов упадка, дестабилизации. Благодаря психосоциальной природе смеха, созданию с его помощью особой атмосферы «глубокой восприимчивости к вечным идеалам» [13, с. 6–9], становилось возможным возникновение и утверждение новых ценностных ориентиров, согласующихся с требованиями существующей ситуации и в то же время с абсолютными ценностными ориентирами.

Подчиняя себе всех членов сообщества, смех в архаических ритуалах облечения властью выполнял множество важных социальных функций: терапевтическую, коммуникативную, интеграционную, оценочную, диагностическую, мировоззренческую, адаптационную, мотивационную и др. Одновременно работая и на разрушение старого, отжившего политического порядка, и на созидание нового типа правления и новых общественных отношений, несущих надежду на непрерывность, вечность, бессмертие человеческого рода, смех исполнял роль универсального социального регулятора. Свободное и естественное функционирование смеха в сфере власти обеспечивало архаическому обществу пластичный переход от кризисного, нестабильного этапа развития в стабилизации и порядку.

Сделанные нами выводы заставляют задуматься о том, как в современной политической практике проявляются бессознательные эмоционально-чувственные реакции, а самое главное – насколько эти реакции на происходящие события, явления, процессы в обществе могут быть учтены для адекватной коррекции сферы власти и общего оздоровления социальных связей.

Как известно, западная цивилизация, чей опыт преподносится сегодня как социальный стандарт высшего качества и образец для подражания, строилась как оппозиция бессознательному. В стремлении максимально рационализировать сферу политики и власти был совершен отрыв от бессознательного, соединяющего ее с соматическими уровнями интерпретации социальной действительности. Поэтому, по словам К. Юнга, «эта сфера частична, неполна, невротична, фрустрирована» [33, с. 299–305].

Но даже в таких обстоятельствах мифологизированные схемы в работе сознания не исчезают бесследно. «Миф не исчезает, он находит свое место в более поздних формах ментальности, участвует в формировании полиструктурных и полиморфных видов осмысления действительности» [23, с. 56]. Например, сегодня, как и в архаических и традиционных культурах, к власти предъявляются высокие морально-нравственные требования. Однако за формой, которая условно соблюдается, происходит выхолащивание их глубинного смысла. Эти требования превратились в формальность, которую можно легко обойти или, по форме придавая благовидность своим поступкам и действиям, на самом деле иметь совершенно другие жизненные установки.

Отказ от учета бессознательных способов регулирования политической сферы привел к утрате понимания живой связи между личными качествами лиц, наделенных властью, и жизнеспособностью данного народа, социума, их будущим. Наше исследование показало, насколько эффективными могут быть различные проявления бессознательного в регулировании общественных отношений в целом и отношений власти в частности. Смех как элемент социального бессознательного – особенно если ему не противостоит рациональное сознание – может вдохнуть новые силы в деформированные схемы регулирования общественно-политической жизни.

Поэтому дальнейшие социально-философские исследования должны быть направлены на решение проблем, связанных с попытками сознательно воздействовать на свободное циркулирование бессознательных импульсов в политической сфере. Речь идет о наблюдаемых во все времена устремлениях власти – поставить смех себе на службу, заключить смеховую стихию «под стражу», когда она вырывается из-под властного контроля. Необходимо также исследовать относительно новый феномен борьбы со смехом – случаи полного игнорирования властью смеховых оценок ее деятельности. Обнаружение способов снятия этой социальной «блокады» смеха позволило бы исправить многочисленные деформации в политической сфере, расчистило бы путь к обществу психически и духовно гораздо более здоровому и власти значительно более демократичной и успешной.

Литература:

1. Белкин А. А. Русские скоморохи / А. А. Белкин. – М., 1975.
2. Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х т. – Т. 2. Избранные статьи / С. Н. Булгаков. – М., 1993.
3. Вилюнас В. К. Эмпирические характеристики эмоциональной жизни / В. К. Вилюнас // Психологический журн. – 1997. – Т. 18. – № 3.
4. Гиппенрейтер Ю. Б. Феномен конгруэнтной эмпатии / Ю. Г. Гиппенрейтер, Т. Д. Коряжна, Е. Н. Козлова // Вопросы психологии. – 1993. – № 4.
5. Законы Ману: Мнавадхармашастра / [пер. С. Д. Эльмановича]. – М., 2002.
6. Канке В. А. Философия. Исторический и систематический курс : учебник для вузов / В. А. Канке. – [Изд. 5-е, перераб. и доп.]. – М., 2003.
7. Каннет Еліас. Маса і влада / Еліас Каннеті. – К., 2001.
8. Карамзин Н. История государства Российского : в 2-х томах. – Т. 1 / Н. Карамзин – М., 1994.
9. Кириленко Т. С. Психологія: емоційна сфера особистості : навчальний посібник / Т. С. Кириленко. – К., 2007.
10. Киселева О. Переживание как непосредственное бытие сознания / О. Киселева // Философская и социологическая мысль. – 1994. – № 1–2.
11. Козинцев А. Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев. – СПб., 2007.
12. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М., 1994.
13. Ленгле Л. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности / Л. Ленгле // Вопросы психологии. – 2004. – № 4.
14. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. А. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л., 1983.
15. Московичи С. От коллективных представлений – к социальным / С. Московичи // Вопросы социологии. – 1992. – № 2.
16. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения. / М. Мосс // Социальные функции священного. – СПб., 2000.
17. Ошо Р. Оранжевая книга: медитативные техники / Ошо Раджниш. – М., 1993.
18. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – СПб., 1997.
19. Сафронов А. Г. Психологические истоки иррациональных форм поведения / А. Г. Сафронов // Проблема рациональности наприкінці ХХ ст. : матеріали 5-х міжнар. читань. – Х., 1998.
20. Сафронов А. Г. Психология религии / А. Г. Сафронов. – К., 2002. – (Новейшая психология. Вып. 9).
21. Сафронов А. Г. Религиозные психопрактики в истории культуры / А. Г. Сафронов. – Х., 2004.

22. Селли Дж. Смех. Его физиология и психология / Дж. Селли. – СПб., 1905.
23. Сикевич З. В. Социальное бессознательное / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Поссель. – СПб., 2005.
24. Тернер В. Символ и ритуал / В. Тернер. – М., 1983.
25. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – СПб., 1997.
26. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М., 1989.
27. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М., 1998.
28. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии / О. М. Фрейденберг // Труды по знаковым системам : ученые записки Тартуского ун-та. – Вып. 308. – Тарту, 1973. – (Вып. 6).
29. Фрейденберг О. М. Терсит / О. М. Фрейденберг // Яфетический сборник. – Л., 1930. – Вып. VI.
30. Фрэзер Дж. Золотая ветвь / Дж. Фрэзер. – М., 1985.
31. Элиаде М. Космос и история : избр. работы / Мирча Элиаде ; [пер. с фр. и англ.]. – М., 1987.
32. Элиаде М. Священное и мирское / Мирча Элиаде ; [пер. с фр. Н. К. Горбовского]. – М., 1994.
33. Юнг К. Г. О природе психе / К. Г. Юнг ; [пер. С. Л. Удовик, Г. А. Бутозов]. – М.-К., 2002.
34. Berlyne D. E. Humor and its kin / D. E. Berlyne // The Psychology of Humor / [J. H. Goldstein, P. P. E. Mc.Ghee, Eds]. – N.Y., 1972.
35. Mindess H. Laughter and Liberation / H. Mindess. – Los Angeles, 1971.
36. Spencer H. H. The Physiology of Laughter / H. H. Spencer // Essay on Education. – L., 1911.